

Ван Сюй,
С. В. Виватенко,
А. В. Петров,
Т. Е. Сиволап

История и социология современного Китая

Александр Петров

**История и социология
современного Китая**

«Алетейя»

2025

УДК 94(510).09
ББК 63.3(5Кит)6

Петров А. В.

История и социология современного Китая / А. В. Петров —
«Алетейя», 2025

ISBN 978-5-00165-842-9

Книга представляет собой изложение основных вопросов социальной истории современного Китая. Авторы пособия делают акцент на определении места и роли Китая в общемировой истории, на понимании особенностей его социально-политического и социально-экономического развития, исходя из принципов исторической социологии. Учебное пособие ориентировано на обществоведов, в частности, осуществляющих сравнительные российско-китайские исторические и социологические исследования, а также может быть полезно студентам высших учебных заведений, обучающимся по различным направлениям гуманитарной подготовки, широкому кругу читателей, интересующихся социальной историей современного Китая. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(510).09
ББК 63.3(5Кит)6

ISBN 978-5-00165-842-9

© Петров А. В., 2025
© Алетейя, 2025

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

**Ван Сюй, С. В. Виватенко,
А. В. Петров, Т. Е. Сиволап**
История и социология современного Китая

Ответственный редактор:

кандидат исторических наук, доцент А.А. Петрова

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2025

Глава 1

История и социология Китая

Китайская цивилизация (ровесница цивилизаций древнего Египта и Месопотамии) – одна из древнейших в мире. По мнению китайских исследователей, её возраст может составлять пять тысяч лет. При этом имеющиеся письменные источники охватывают период не менее 3500 лет. Система государственного управления, которая столетиями совершенствовалась сменявшимися друг друга династиями, раннее появление крупных очагов ведения высокоразвитого сельского хозяйства в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы, создавало преимущества для Китая, экономика которого довольно рано, по сравнению с другими цивилизациями, стала развиваться на основе применения новых технологий, прежде всего аграрных. Ранние успехи в хозяйственной деятельности и государственном управлении основывались на многотысячелетней культуре и традициях. Ещё более укрепило китайскую цивилизацию конфуцианство, ставшее специфической государственной идеологией и философией, структурировавшей социальное сознание китайцев на протяжении многих веков.

Несомненно, социальная история современного Китая, как и сложная, многообразная история китайской цивилизации в течение, пользуясь метафорой знаменитого социолога-экономиста Дж. Арриги, «долгого двадцатого века», во многом представляет собой историю реакции китайского общества на те структурные трансформационные процессы длительной временной протяженности (*la longue duree*, – фр.), которые сформировали систему современных обществ глобального капитализма, или, как её именовал один из классиков исторической социологии И. Валлерстайн, «исторического капитализма». Именно поэтому многие социальные процессы в современном Китае, порой весьма радикальные политические и экономические изменения, важно рассматривать в контексте глобальных изменений, как реакцию Китая на внешние вызовы, направленную на сохранение самобытного пути развития в далеко не всегда благоприятных социально-исторических условиях капиталистической глобализации.

Исследования глобальных социальных процессов и их влияния на трансформации современных государств, обществ, культур теперь уже сложно представить без исторической социологии, которая *никогда не была* обычной «отраслью» социологии (такой, как экономическая социология, социология политики или социология культуры). *Историческая социология* – интеллектуальное течение в социальных науках, главная задача которого, преодолевая теоретико-методологические барьеры между отдельными социальными науками, создать объемное социально-историческое видение причин и особенностей течения сложных социальных процессов, сформировавших современную глобальную социальную систему, вовсе не являющуюся неподвижной финально-исторической структурой (вроде «эталонных» социально-эволюционистских конструкторов «общества модерна-постмодерна», «глобальной деревни», «постиндустриального общества», «информационного общества», «технотронного общества» и т. п.). Подобное «объемное социально-историческое видение» формируется усилиями многих историков, социологов, экономистов, обратившихся к исследованиям генезиса современной глобальной мировой системы, характеризующейся крайней неравномерностью развития её структурных элементов (отдельных государств, хозяйственных систем, самобытных культур и цивилизаций), формированием жесткой геоэкономической и геосоциальной иерархии, неравноправным положением разных обществ и социальных групп в структуре международного разделения труда. Благодаря этим исследовательским усилиям социальным наукам во многом удалось преодолеть узкие европоцентристские подходы к изучению социальной истории разных обществ и цивилизаций.

Теоретико-методологические истоки исторической социологии можно отнести к началу XX в. Именно тогда в европейской социальной мысли появились первые идеи, вступавшие в явное противоречие с позитивистским мейнстримом в социальных науках.

Появление исторической социологии связано с тремя основополагающими методологическими потребностями, которые назрели в социальных науках и, в частности, социологии, еще в начале XX в. Во-первых, необходимость преодоления искусственного жесткого разделения предметно-объектных областей между различными отраслями общественности и, прежде всего, между исторической наукой и социологией, которое возникло в результате возрастающего влияния позитивизма на теорию и методологию социальных наук в XIX в., и потребность в формировании методологических основ комплексного подхода к изучению социальных процессов и явлений. Во-вторых, необходимость преодоления телеологических и этноцентристских подходов к изучению социально-исторических процессов, зачастую сводивших историю разнообразных, самобытных обществ и культур к истории западной цивилизации, и замена его изучением многовариантности и многофакторности развития общества на основе формирования многомерных пространственно-временных объяснительных конструкций. 13-третьих, необходимость объяснения сложных долговременных социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов, формирующих систему современных обществ и определяющих особенности изменений каждого из этих обществ в данной сложной, противоречивой, наполненной постоянными конфликтами системе, преодоление и по сей день распространенного представления исследователей о том, что «современность» – это только то, что происходит исключительно «здесь и сейчас», а прошлое представляет интерес лишь для антикваров, поскольку его уже нет. Многим социологам по-прежнему сложно осознать, что всё, называемое «современностью», на самом деле сугубо «традиционно», и все, окружающее «современного» человека, – история, причем уходящая корнями в глубину веков и тысячелетий. А все «современные» социальные изменения – результат разворачивания глубинных структурно-исторических процессов, постижение которых должно стать совместной задачей представителей исторической науки и социологии.

Собственно, необходимость объединения усилий историков и социологов в изучении проблем и противоречий «современного общества» проявилась в полной мере еще в XIX в. Только осознание необходимости для этого объединения пришло гораздо позднее и потребовало значительных теоретико-методологических усилий представителей обеих наук. Дело в том, что социология появилась гораздо позднее исторической науки. И это во многом обусловило особенности их взаимоотношений в XIX–XX вв. В XIX в. тогда еще очень молодой и непризнанной социологии предстояло доказать свое право на существование и в теоретико-методологическом, и в практическом плане. Позитивистская философия изначально сориентировала социологию на постоянное противопоставление себя другим наукам о человеке и обществе. Противопоставление проявилось в попытке самоутверждения социологии путем экспансии в направлении предметных областей иных наук. Экспансии, на которую социология имела полное право как, по мнению О. Конта, его многочисленных сторонников и последователей, фактически единственная «объективная» наука из всех социальных наук, поскольку изначально, именно благодаря методологии позитивизма, основывалась на идеи постижения общества и неких общих законов его функционирования естественнонаучными методами. Противостояние зашло так далеко, что социология была объявлена позитивистами социальной «метанаукой», которой остальные науки о человеке и обществе обязаны представлять фактический материал для его обобщения и создания на этой основе всеохватывающих и всеобъясняющих моделей общества в статике и динамике (с быстро сформировавшимся приоритетом исследовательских интересов социологов к социальной статике). В наиболее мягкой и окончательной форме эту идею сформулировал Э. Дюркгейм.

Позитивизм оказал существенное влияние и на историческую науку. Как отмечал, например, в первой половине XX в. знаменитый британский историк Р. Дж. Коллингвуд, позитивизм можно определить как философию, поставившую себя на службу естественной науке, как философия средних веков была служанкой теологии. Однако, позитивисты имели при этом весьма поверхностное представление об естественных науках, которые, по их мнению, складываются лишь из установления фактов и формулирования законов. Факты должны устанавливаться при непосредственном чувственном восприятии, законы же определяются путем обобщения фактов посредством индукции. Под влиянием подобного взгляда на методологию и сформировалась позитивистская историческая наука, ориентируя историков исключительно на установление неких «конкретных» исторических фактов, пользуясь словами известного немецкого историка Л. фон Ранке, *she es eigentlich gewesen* [как было на самом деле, – нем.], путем поиска и первичной обработки нарастающего количества исторических источников (архивных материалов или археологических артефактов), постепенно превращая историков из ученых-исследователей, призванных объяснять социальные процессы, в коллекционеров, а саму историческую науку – в «лавку древностей».

В итоге целостный взгляд на общество, к которому так стремились позитивисты, провозгласив создание новой «метанауки», или «науки наук» – социологии, был надолго утрачен. А абсолютно необоснованные претензии позитивистской социологии XIX в. на тотальное теоретико-методологическое превосходство над иными социальными науками лишь оттолкнули от нее представителей других социальных наук, в том числе и исторической науки. Правда, не всех. Инициаторами и главными двигателями радикальных изменений в методологии социальных наук и формирования основ принципиально новых методологических традиций в изучении процессов социальных изменений стали представители именно исторической науки (прежде всего французской, по целому ряду причин). Основополагающей методологической идеей, сформировавшей основы для использования изначально слабо обоснованного в теоретико-методологическом плане словосочетания «историческая социология», стала идея французского философа А. Берра – идея «исторического синтеза» – интеграция на основе социально-исторических исследований усилий представителей разных социальных наук по изучению феноменов «современности». Эта идея в первой половине XX в. была подхвачена и творчески развита как представителями исторической науки, прежде всего «Новой исторической науки» – Л. Февром, М. Блоком, Ф. Броделем, Ж. Ле Гоффом, так и многими обществоведами – М. Хальбваксом, А. Деманеоном, Ш. Ристом, А. Зигфридом, П. Видаль де ла Блашем и др. Благодаря их усилиям, и усилиям их последователей, «исторический синтез» стал не просто красивым околонучным словосочетанием, а руководством к действию по формированию комплексного подхода к изучению глобальных социально-исторических процессов. Этой комплексности удалось добиться благодаря созданию историко-генетического подхода в социальных исследованиях, окончательно оформившегося в теоретико-методологическом плане во второй половине XX в. благодаря усилиям Ф. Броделя и И. Валлерстайна, а также Дж. Арриги, А. Г. Франка, С. Амина, Ч. Тилли, Т. К. Хопкинса, направленным на создание социальной истории современной мировой экономической системы. И методологической базой для этого комплексного подхода стал «исторический синтез» знаний историков, социологов, культурологов, экономистов на основе всестороннего, многофакторного историко-социологического анализа структур длительной временной протяженности или структурной социальной истории.

Однако, для перехода от исследований социальной динамики к изучению социальной истории современным социальным наукам и социологии потребовалось преодолеть теоретико-методологические ограничения, которые накладывались на развитие социальной мысли позитивизмом и механистическим восприятием большинством исследователей идеи общественного прогресса.

В XX в. изучение процессов развития экономики и общества осуществлялось под знаком безусловного господства теорий, основанных на безграничной вере в прогресс, как поступательное движение человечества к лучшему, более предпочтительному, почти идеальному состоянию, к которому так или иначе смогут прийти все общества, приобщившись к «универсальным» достижениям западной политической жизни, экономики, техники, науки и культуры, которые делают жизнь людей век от века, от десятилетия к десятилетию все более комфортной, и, тем самым, избавляя от основных причин социальных конфликтов. Идея прогресса приобрела безграничную популярность в XIX в. в рационалистической философии, а затем распространилась на литературу, искусство и науку. Этому в немалой мере способствовал дух романтического оптимизма XIX в., вера в бесконечное величие разума и могущество человека, основанная на идеалах философов-просветителей. Сформировалось устойчивое представление о том, что развитие науки и техники, экономики и политической жизни, культуры и социального управления, именно в том виде, в каком эти процессы осуществляются в западной цивилизации, способно гарантировать постоянное улучшение жизни всех без исключения людей на планете. Разумеется, при условии безоговорочного принятия ими модели социального развития, сформированного западной цивилизацией.

В результате в XIX – начале XX вв. в европейских общественных науках окончательно оформилась доктрина механистически понимаемого социального прогресса как однолинейного, единогонаправленного процесса глобальной вестернизации. Предполагалось, что он может осуществляться исключительно от стадии к стадии, от этапа к этапу, на основе формально-логических «законов истории» (подобных законам функционирования физического мира), по западноевропейской модели и под воздействием какого-либо детерминирующего и объясняющего «сущность» социальных изменений эндогенного фактора (трансформация в структуре производства, в системе социокультурных коммуникаций, в этике и мировоззрении и т. и.). В соответствии с данной доктриной существует только один тип хозяйства, одна культура, один тип социального и политического устройства – тот, который присущ западному (европейскому и всем производным от него) обществу. Весь окружающий мир лишь в той или иной степени, на том или ином уровне воспроизводит процесс становления этого общества или цивилизации. Так была надолго определена основная проблематика и заданы весьма жесткие методологические рамки исследований социальных изменений, не предполагавшие иных, кроме подобной, интерпретаций трансформационных процессов в мировой системе.

Мысль о том, что человечество (обычно рассматриваемое сторонниками европоцентристских подходов к изучению социального прогресса как универсальная целостность) самостоятельно идет по некоторому заранее определенному пути к некоей заранее установленной цели, по «вечным законам прогресса и эволюции», задающим «магистральное направление человеческой истории», подвергалась критике почти с самого ее появления. В частности, один из наиболее последовательных критиков такой точки зрения, знаменитый социолог П. А. Сорокин отмечал, что огромное число обществ и групп прошли в своем развитии совсем не те этапы, которые описываются соответствующими «законами прогресса», и в отличающейся от предписанной подобными «законами» временной последовательности. И если из «человечества», к которому предположительно относятся эти законы, исключить всех индивидов и все социальные группы, развитие которых реально отклоняется от таких «законов», то останется (если вообще что-нибудь останется) совсем небольшая группа людей, «историческое изменение» которой подчиняется универсальным тенденциям и законам линейно трактуемого прогресса. И, по убеждению П. А. Сорокина, лишь одного этого довода достаточно, чтобы считать эти тенденции и «законы» в лучшем случае частными закономерностями, относящимися лишь к очень небольшой части человечества (западному миру и то, далеко не всему). Но вовсе не универсальными законами социальной эволюции, с помощью которых можно было бы объяснить развитие разных обществ и цивилизаций.

Явная методологическая и эвристическая ограниченность механистических моделей социально-исторического процесса, а также сохраняющееся существенное влияние социо-институциональных особенностей на современное развитие различных социальных систем, экономик, культур вывели на первый план идеи многовариантности и многофакторности в современных исследованиях трансформации обществ, а также необходимость формирования объемных, многомерных пространственно-временных объяснительных конструкций, существенным образом отличающихся от уже привычных, примитивных линейно-стадиальных схем. По мнению И. Валлерстайна, потребности в формировании нового подхода, в конечном счете, потребовали тотального переосмысления теоретико-методологических основ социальных наук и социологии. Во многом процессом и результатом этого переосмысления и стала историческая социология.

В чем же проявляются особенности историко-социологического взгляда на глобальные социальные изменения, на локальную социальную историю разных обществ и цивилизаций? Во-первых, в критике сформировавшихся на основе прогрессистской европоцентристской парадигмы XIX в. универсально-стадиальных этноцентристских концепций социально-исторического процесса и попытках предложить принципиально иные подходы к его моделированию и объяснению. Например, Ч. Тилли отмечает ряд, по его мнению, ошибочных постулатов парадигмы механистически трактуемого прогресса, которые оказали существенное влияние на общественные науки XX в., и от которых придется отказаться, если исследователи действительно желают понять суть современных социальных процессов в разных обществах. Они заключаются в том, что общество рассматривается в рамках европоцентристского дискурса как единый организм, который состоит из отдельных социальных целостностей. Причем каждая из них обладает лишь более или менее автономной культурой, системой управления, экономикой и механизмами социальной солидарности. Однако, социальные изменения представляют собой, тем не менее, при некоторых допустимых «отклонениях» от магистрального западно-европейского пути, некий единый феномен, объяснимый исключительно как целостность, всеобщность (социальной динамики). Процесс социальных изменений представляется как последовательный переход от стадии к стадии, качественно отличающейся от предыдущей, и т. п. При этом социологи, разделявшие и разделяющие подобные взгляды, как правило, черпали данные из наблюдений лишь в странах их проживания, прежде всего странах западного мира. Ч. Тилли обращает внимание на то, что исторические работы социологов всегда были ориентированы в основном на построение широких эволюционных, стадиальных, линейных моделей исследования современных социальных феноменов. И именно из противоположного восприятия их использования, объяснительной ценности вырос ряд взаимных недопониманий историков и социологов, включая распространение среди социологов представлений, что социология – наука объясняющая, генерализирующая, а история – наука описательная и конкретизирующая, обреченная поставлять сырье социологам для обобщений. Историки в ответ обращали внимание на то, что изучаемая социологами «современность» – лишь узкий момент истории, исследование которого не может претендовать на универсальное значение для обществознания. В действительности любое социально-историческое исследование лишь подтверждает тот факт, что социальные изменения вовсе не единый процесс, а всеохватывающее название для совершенно различных, противоречивых процессов, протекающих в сложно выявляемой взаимосвязи, а реальная жизнь разных обществ значительно разнообразнее, чем предполагают социологи, пытающиеся привести её к единому знаменателю своих, на первый взгляд, вполне логичных, но далеких от реальной социальной истории объяснительных конструкций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.